

Мышцын В. Н.

О происхождении книги Товита профессор Василий Никанорович Мышцын

Библиологическое исследование Н. Дроздова. Киев. 1901.

В вопросе о происхождении той или иной книги с сомнительным прошлым, к каковым должна быть отнесена книга Товита, имеет важное значение первоначальный язык книги. Но и в этом отношении исследователь книги Товита поставлен в большое затруднение. Первоначальный язык её до сих пор остается иском для ученых. Как известно, в настоящее время эта книга существует в следующих текстах: 1) в трех различных греческих текстах, из которых один находится в рукописях александрийской и ватиканской, – другой в синайской и третий, неполный, в кодексах 14 и 15 вв., 2) в нескольких латинских текстах, сохранившихся в древнелатинских переводах и в вульгате, 3) в сирском, 4) в халдейском, найденном в сборнике мидрашей и хранящемся в оксфордской Бодлеевской библиотеке, и 5) в двух еврейских текстах, открытых Мюнстером и Фагием в 16 в. Но ни один из этих текстов не может быть признан первоначальным, так как – вследствие значительных разностей между ними ни один из них не объясняет происхождения остальных. Все они представляют собою более или менее самостоятельные переводы или переделки не дошедшего до нас первоначального подлинника. И в вопросе, на каком языке был написан оригинал книги Товита, ученые до сих пор не пришли ещё к соглашению. Их выбор колеблется между древне или ново еврейским, халдейским и греческим языками. Проф. Дроздов подробно и основательно разбирает все доводы, приводимые западными учеными в пользу еврейского и греческого подлинника, совершенно справедливо замечая, что встречающиеся в книге Товита гебраизмы и грецизмы, на которые обычно ссылаются ученые, не дают оснований к решению вопроса о первоначальном языке рассматриваемого произведения, так как насколько возможны гебраизмы в речи иудея – эллиниста, писавшего на греческом языке, настолько естественны и грецизмы в греческом переводе с какого-либо семитического языка. Совершенно основательно он предпочитает довериться двум прямым историческим свидетельствам Оригена и Иеронима, из которых первый писал в письме к Юлию

Африкану, что „евреи не имеют книги Товита в числе апокрифов, написанных на еврейском языке”, а второй называет ее „книгою написанною (conscriptum) на халдейском языке “. Но этот первоначальный халдейский или арамейский подлинник ни в каком случае не есть халдейский текст Бодлеевской библиотеки. Последний по своему содержанию представляет позднейшую переработку в духе мидрашей, а в язык заключает очевидные следы своей зависимости от греческого текста.

Но если подлинник книги Товита не дошел до нас, то какой из существующих текстов более приближается к нему?

Этот вопрос автор решает путем подробного критического сличения всех перечисленных выше текстов. Дословное сличение их приводит его к признанию зависимости всех текстов, не исключая отчасти и вульгаты, от трех редакций греческого текста. Из этих трех автор отдает решительное предпочтение тексту синайскому, как более близкому к первоначальному подлиннику. Свои симпатии к синайскому тексту автор мотивирует тем, что текст двух других древнейших рукописей – александрийской и ватиканской, по сравнению с синайским, отличается следующими особенностями: 1) стремлением к устранению растянутости, повторений, тождесловий и подробностей, ничего нового не сообщающих, 2) стремлением придать речи ясность и естественность, устранить все, что может показаться невероятным или несогласным со Св. Писанием, и опускать точные хронологические, топографические и др. определения, 3) стремлением исправлять текст чрез сокращение, иногда неудачно, и допущением очевидных ошибок, находящих свое объяснение в тексте синайском, и наконец 4) стремлением избегать семитических конструкций, усвоить речи чисто—греческий стиль (стр. 158–163). Все эти особенности, свойственные тексту александрийской и ватиканской рукописей, по мнению автора, говорят за позднейшее происхождение этого текста, имевшего целью исправить текст синайской рукописи.

Не знаем, насколько убедительны покажутся доводы автора ученым библиологам; нас же лично они убеждают мало. Мы готовы даже сказать, что они склоняют нас к обратным заключениям. На самом деле, растянутость, подробности, ничего нового не сообщающие, повторения и тождесловия, свойственные синайскому тексту, по общепринятому у критиков мнению, служат в большинстве случаев признаком не древности и первоначальности перевода, а его позднейшего происхождения, являясь следствием позднейших наслоений, имеющих свой источник в устных преданиях, перифразах, толкованиях и во вторичных переводах, помещаемых первоначально на полях, и т. д.

Перевод IXX страдает значительной растянутостью сравнительно с еврейским текстом, и это почти всегда служит признаком позднейшего происхождения чтения IXX. Лишь одна книга Иеремии каким-то непонятным образом у IXX оказалась значительно короче, чем в еврейском тексте. И лучшие современные критики предпочитают поэтому греческий текст книги Иеремии еврейскому тексту. Точно также растянутость александрийской рукописи сравнительно с ватиканской и экзаплярного текста сравнительно с древне-александрийским есть признак их более позднего происхождения. Далее. Факт, что в александрийской и ватиканской рукописях отсутствует то, что может показаться сомнительным, маловероятным и несогласным с Св. Писанием, сам по себе не может еще говорить за позднейшее происхождение текста их. Едва ли не чаще все плюсы с характером маловероятным и сомнительным являются плодом наслоений времени, а минусы такого рода напротив признаком древности и первоначальности. Отсутствие точных хронологических, топографических и др. указаний в алекс. и ватик. рукописях трудно объяснить из стремления переводчика выпускать излишние подробности. На самом деле, что могло побудить его опускать увеличивающие доверие и интерес читателя к повествованию числа и имена, если бы таковые находились в подлиннике? Это могло бы случиться лишь потому, что переводчик не понял и не отдал себе отчета в указаниях подлинника. Но это могло иметь место, очевидно, лишь до существования такого греческого перевода, в котором был дан правильный перевод непонятных мест. Напротив, весьма естественно предположить, что позднейший переводчик или справщик пополнил текст новыми хронологическими, топографическими и др. указаниями на основании устных преданий или личных соображений, догадок и сближений. Наконец, присутствие неопределенных и неясных выражений, обилие семитических конструкций в тексте синайском, по обычному мнению, критиков, служит признаком позднейшего происхождения перевода, напротив чисто — греческий стиль — признаком первоначальности и древности перевода. На самом деле, последующие переводы обыкновенно бывают буквальные предшествующих, и само появление их объясняется желанием точнее и буквальные передать текст подлинника. Греческие переводы Акилы, Сиимаха и Феодотиона от перевода IXX отличаются буквальностью, точностью и близостью к семитическим конструкциям.”

Вторую часть своего исследования (стр. 248–529) проф. Дроздов посвящает оценке исторического достоинства книги Товита. В то время

как почти все католические ученые, признающие каноническое достоинство книги Товита, считают её исторически достоверной во всем её объеме, остальные западные ученые, не стесняемые необходимостью признания католического канона, отрицают достоверность книги, одни всецело, другие – отчасти. Профессор Дроздов примыкает к мнению первых, выражая полное убеждение в историческом характере книги Товита и в достоверности её содержания (стр. 528). Первым основанием его убеждения служит то высокое уважение, каким пользовалась книга Товита в восточной и западной церкви до 16 в. Книга Товита вместе с другими неканоническими книгами вошла в библейский кодекс александрийских иудеев и в древнейших греческих и латинских списках помещалась среди книг канонических. Все это показывает, что она ставилась христианами с самых древних времен более или менее на один уровень с прочими книгами Св. Писания и, следовательно, признавалась чуждою каких-либо вымыслов или извращений истины (стр. 263–4). Также отцы и учителя восточной церкви признавали в полном объеме буквальную, историческую достоверность книги Товита, пользуясь ею наравне с другими книгами Св. Писания. Климент Ал. и Ориген называют её $\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ и $\theta\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma \lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, каковыя названия употребляются обыкновенно в примененных к каноническим книгам. Со времени Августина в западной церкви книга Товита стала считаться канонической. Взгляд на книгу Товита изменился на западе со времени реформации. Лютер причислил её к апокрифам, т. е. к обыкновенным человеческим произведениям назидательного характера, и уже этим самым допустил в ней возможность намеренных и ненамеренных уклонений от истины и действительности. Воззрения Лютера на книги Св. Писания имели большое влияние на последующих исследователей книги Товита. Разрушая церковные предания и руководясь исключительно научной критикой, ученые – рационалисты стали отрицать исторический характер этой книги. Они исключили из неё всё чудесное и сверхъестественное, как вымышленное; и это понятно: люди, не верующие в чудеса, не могли поступить иначе.

Приведенные нами суждения автора, по нашему мнению, страдают некоторой неопределенностью, шаткостью и предвзятостью. Автор, конечно, прекрасно знает, что помещать неканонические книги рядом с каноническими и пользоваться цитатами из них наряду с цитатами из канонических писаний не значит еще ставить те и другие более или менее на один уровень. Ап. Иуда в своем послании пользуется апокрифической книгой Эноха и псевдепиграфом $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\lambda\eta\phi\tau\iota\varsigma \text{ Μωυσο\acute{\epsilon}\omega\varsigma}$, но это не значит, что

он ставил их более или менее на один уровень с писаниями боговдохновенными. Если у некоторых немногих церковных писателей, не имевших возможности точнее ознакомиться с составом еврейского канона, и были попытки приравнять книгу Товита к книгам каноническим, то древняя восточная церковь в лице лучших своих представителей смотрела на них, как на отступления от истины, считая каноническими лишь книги, входившие в состав еврейского канона. Но отрицание канонического достоинства книги есть отрицание её боговдохновенности. Отсюда, как бы ни было велико уважение церкви к неканоническим книгам, между ними и писаниями каноническими останется всегда целая пропасть, как между боговдохновенными писаниями и человеческими, хотя весьма полезными, произведениями. Как небоговдохновенная, неканоническая книга может быть не чужда ошибок и заблуждений, обязанных своим происхождением самому автору. Отсюда, церковь, признавая нравственно-практическую пользу употребления и чтения неканонической книги, предоставляет оценку её с исторической стороны всецело науке; она не берет, так сказать, под свою ответственность автора её, как это делает она с боговдохновенными писателями. Если в изучении канонических книг научный критицизм должен ограничиваться признанием боговдохновенности их, то исследованию неканонической письменности этих границ церковь не полагает. Древняя восточная церковь отдавала предпочтение переводу ИХХ перед текстом еврейским, но делая это на практике, она не возводила сего в догму, предоставляя сличение текстов свободному исследованию разума. Так поступает православная церковь и доселе. Лишь католическая церковь нашла нужным наложить узы на научное исследование истины, канонизовав с одной стороны неканонические и апокрифические книги, с другой стороны текст вульгаты.

Признавая полную историческую достоверность книги Товита, автор дает объяснение и всем тем затруднениям, на которые указывают западные ученые, отрицающие исторический характер этой книги. Факт, что о книге Товита нет упоминания ни в ветхозаветных, ни в новозаветных писаниях, ни в произведениях И. Флавия, Филона и других древних писателей, не говорит по мнению автора против исторической достоверности книги, так как это могло быть случайностью, сверх того отсутствие свидетельств из дохристианской эпохи о книге Товита вполне вознаграждается обилием свидетельств из христианских времен. Указывают на то, что по книге Товита (IV, 3–6) Товия схватил рыбу, хотевшую поглотить его, и, испекши, съел её. Но по тексту синайской рукописи рыба хотела поглотить не его

самого, а ногу (τον πόδα) его. Считают невозможным, чтобы Сарра могла семь раз выходит замуж (VII, II). Но за возможность подобного случая говорит вопрос саддукеев, изложенный в Мат. XXII, 25–32. В пользу отрицания исторического характера книги Товита указывают на чудесный, сверхъестественный характер её повествований, в частности на особенности её ангелологии и демонологии. Но придавать значение первым возражениям значит, по автору, отказаться от веры в божественное откровение и отвергнуть достоверность повествования канонических книг Св. Писания. „Нельзя отрицать, говорит он, что ангелология и демонология книги Товита представляют некоторые особенности, не встречающиеся в допленной библейской письменности. Но это не значит, что в те времена, к которым относится происхождение последней, эти особенности не входили в область верований иудейского народа, и что они не обосновываются на божественном откровении: они могли проистекать из церковного предания... Если в книгах Нового Завета не все истины христианской веры получили раскрытие, но некоторые из них словесно были сообщены ближайшими учениками Спасителя христианской Церкви и сохранялись в последней путем предания; то тем более это следует сказать о книгах Ветхого Завета (стр. 364). Таким образом некоторые частности в учении об ангелах, не встречающиеся в канонических книгах Ветхого Завета, могли проистекать из божественного откровения и быть заимствованы писателем книги Товита из церковного предания подобно прочим писателям неканонических книг“ (367). Впрочем, писатель книги Товита, как лишенный озарения свыше, мог воспользоваться, говорит автор, искаженными истинами, поэтому следует решить вопрос, согласны ли его воззрения с учением канонических книг.

Эти рассуждения нам кажутся недостаточно ясными. Против возможности того, что евреям сообщено было пророками более того, что было записано в их книгах, спорить конечно нельзя. Но предположение такой возможности безцельно и бесплодно, так как ни в чем мы не найдем ручательства того, была ли известная особенность в учении достоянием истинного еврейского предания или измышлением человеческого ума. В этом случае не может помочь и сопоставление с книгами неканоническими. Раз в неканонической книге признается особенность в некоторых пунктах учения, не встречающаяся в книгах канонических, хотя и не противоречащая им, она одинаково может иметь своим источником как истинное предание, так и человеческое измышление. И брать на себя труд категорически утверждать первое, едва ли благодарное дело. Но действительно ли так согласны с учением

канонических книг особенности ангелологии и демонологии в книге Товита?

На вопрос Товита о роде и имени, ангел Рафаил ответил: „я Азария, сын Анании, из братьев твоих” (V, 13). Не смотря на всевозможные ухищрения толкователей, им не удается устранить их этих слов элемента очевидного, прямого обмана. Этот обман остается безпримерным в канонических книгах Св. Писания. О злом духе Асмодее в книге Товита говорится, что он, любя Сарру, избивал всех мужей её, прикасавшихся к ней, пока наконец не был изгнан чрез курение сердца и печени рыбы. Хотя автор на основании синайской рукописи и отрицает правильность чтения александрийской и ватиканской рукописей, а также кодексов 14 и 15 вв.: $\theta\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\ \alpha\upsilon\acute{\iota}\eta\nu$, однако это составляет самый естественный мотив для убийства Асмодеем семи мужей, прикасавшихся к Сарре. И синайская рукопись наравне с прочими замечает, что Асмодей никому не причинял зла, кроме прикасавшихся к Сарре. Автор говорит, что образ действий Асмодеев, мучившаго Сарру и лишившего ее семих мужей, несоединим с любовью и показывает, что Асмодей не любил Сарру даже и нечистой любовью (стр. 390). Но нечистая любовь, соединенная с ревностью, так именно и поступает. Предполагать, что Асмодей был послан Богом для наказания Сарры, в тексте нет никаких оснований. Напротив, тот факт, что Бог для освобождения Сарры от Асмодеев посылает ангела, показывает, что, по представлению автора книги Товита, Асмодей действовал самостоятельно. Когда Товия, вошедши в спальню новобрачной, покурил сердцем и печенью рыбы, демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, где и был связан ангелом (VIII, 2–3). Несмотря на все усилия толкователей, и это повествование всегда будет говорить против исторической достоверности книги. Напрасно автор добавляет: „Товия покурил сердцем и печенью рыбы, присоединив к этому вещественному средству молитву к Богу“ (стр. 391). Ни о какой молитве Товии к Богу, предшествовавшей изгнанию Асмодеев, в тексте книги нет речи. По книге демона удаляет запах рыбы, ощутимый имъ (алекс и ват: $\acute{\omega}\sigma\phi\rho\acute{\alpha}\nu\theta\eta\ \tau\eta\varsigma\ \acute{\omicron}\sigma\mu\eta\varsigma$; син.: $\eta\ \acute{\omicron}\sigma\mu\eta\ \acute{\epsilon}\kappa\acute{\omega}\lambda\upsilon\sigma\epsilon\nu$). Автор считает это сверхъестественным, чудесным явлением, сближая его с фактом исцеления от укушения змеями при взгляде на медного змея. Сближение это неосновательное. Змеи были посланы Богом для наказания израиля за ропот его. А медный змей был поставлен после того, как народ обратился к Моисею с словами: „согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтобы Он удалил от нас змеев (Числ. XXI, 6–7). Действие молитвы сказалось на тех, кто просил молитвы и сам, следовательно,

участвовал в ней. В происшествии же, рассказанном в книге Товита, действует не молитва, а запах рыбы, и действие его направляется непосредственно, на демона. Стремление автора придать словам книги Товита: „демон убежал в верхние страны Египта, и связал его ангел, на основании Апок. XX, 2–3, значение образного выражения не оправдывается исторической формой повествования книги Товита.

В числе особенностей ангелологии книги Товита, несогласных с учением Св. Писания, указывают на XII, 15: „Я – Рафаил, один из семи ангелов, которые возносят молитвы святых и восходят пред славу Святого “. О том, что ангелы ходатайствуют за людей пред Богом, Св. Писание не раз говорит; но в нем нет указаний на то, чтобы они возносили молитвы людей. Разница между тем и другим весьма важная по своему богословскому смыслу. Проф. Дроздов замечает на это, что указание „на семь ангелов, возносящих молитвы святых “(XII, 15), находится лишь в алекс. и ватик. рукописях, но его нет в рукописи синайской. Это правда, но тоже в сущности находится и в этой Последней в XII, 12: ἐγὼ προσήγαγον τὸ μνημόσυνον τῆς προσευχῆς ὑμῶν ἐνώπιον τῆς δόξης Κυρίου (Я возносил память молитвы вашей пред славу Господа).

Кроме внутренних несообразностей, западные ученые находят в книге Товита исторические, хронологические и тому подобные затруднения. Так по этой книге, Товит, принадлежавший к колену неффалимову, был взят в плен Енемессаром или Салманассаром, царём ассирийским; по 1 Цар. (XV, 29) всё колено неффалимово было переселено в Ассирию Феглаффелласаром. По книге Товита Сеннахерим называется сыном Салманассара или Енемессара (I, 5), тогда как на самом деле он был сыном Саргона¹. Ниневия по книге Товита была разрушена Навуходоносором и Ассиуром или Ахиахаром (XIV, 15), по свидетельству же историков она разрушена Набополассаром и Киаксаром. Товия и Рафаил, отправившись из Ниневии в Раги по направлению к Екбатанам, вечером того же дня пришли к реке Тигру, но этого в действительности не могло быть как потому, что и самая Ниневия лежала при реке Тигре и именно на восточном берегу её, так потому, что путники должны были направляться не на запад (т. е. к реке Тигру), а на юговосток (т. е. далее от неё); здесь ошибочно назван Тигр вместо большого Заба. По синайскому тексту книги Товита, признаваемому проф. Дроздовым за лучший, ангел определяет расстояние между Екбатанами и Рагами двумя днями пути (V, 6), тогда как расстояние это в действительности превосходило 10 миль, и Александр Мак., по свидетельству Арриана, употребил на поход из Екбатан в Рагн 11 дней.

Указанным затруднениям автор дает такое объяснение. Салманассар по 1 Цар. (XVII, 5) пошел на всю землю израилеву; следовательно и здесь не исключается колено неффалимово. Имя Енемессара или Салманассара в книге Товита явилось по ошибке вместо имени Саргона, а может быть было другим именем того же царя. Навуходоносор и Ассиур представляются виновниками разрушения Ниневии по тексту алекс. и ватик. рукописей; по синайскому же тексту она разрушена Ахиахаром. Это же имя, по мнению автора, явилось, без сомнения по ошибке, вследствие смешения сходных имен Ахиахар и Киаксар. Впрочем, он не приводит в пользу замены одного имени другим никаких доказательств. Следует заметить при этом, что чтение Ахиахар в синайском кодексе заменено позднейшей рукой именем Навуходоносора (см. у Свита). Река Тигр, говорит автор, вблизи Ниневии имеет значительное уклонение к востоку, так что огибает более половины южной части этого города. Неудивительно поэтому, что Товия, пройдя некоторое расстояние от Ниневии, снова подошел к Тигру. Но Товия с спутником, прежде чем дойти до Тигра, прошли дневной путь и остановились около реки на ночь. Между тем их путь к Екбатанан лежал по отношению к Тигру под углом приблизительно в 75 град. (см. карту Ассирии в Dictionnaire de la Bible Yigououx). Таким образом Товия удалялся приблизительно на одинаковое расстояние от Ниневии и от Тигра. Сам автор видимо признает это затруднение, допуская, что писатель книги Товита назвал Тигром – приток её большой Заб. Путь от Екбатан до Раг Оливье проехал в одну неделю; Кеппель, ехавший на лошади, употребил на него только шесть дней; курьер же может совершить путь в 2 дня, т. е. в срок, указанный ангелом Рафаилом.

Из анализа указанных и многих других затруднений, встречающихся в книге Товита, проф. Дроздов приходит к полному убеждению в историческом характере этой книги и в достоверности её содержания. Встречающиеся во всех текстах этой книги погрешности принадлежат, по нему, без сомнения, не самому писателю книги, а переводчикам, справщикам и переписчикам.

В третьей части своей книги (530 – 038 стр.) проф. Дроздов исследует вопрос о времени написания и писатели книги. Основания, по которым написание книги Товита относится учеными ко времени после плена Ваволонского, не считаются пр. Дроздовым доказательными. Он не находит следов фарисейского отчуждения, самооправдания и внешнего благочестия в словах Товита: „я, Товит, во все дни жизни моей ходил путями истины и правды и делал много благодеяний братьям моим... Тогда всё колено Неффалимово находилось в отпадении от дома Иерусалима,

избранного от всех колен израиля, чтобы всем им приносить жертвы... Я же один часто ходил в Иерусалим на праздники, как предписано... с начатками и десятинами произведений земли и начатками шерсти овец (I, 2–6). Все братья мои и одноплеменники мои ели от снедей языческих, а я соблюдал душу свою и не ел (- 10. 11). Я делал много благодеяний братьям моим: алчущим давал хлеб мой, нагим одежды мои “(16–17). „Раздавай хлеба твои при гробе праведников, но не давай грешникам “(IV, 17). Подобного рода мысли и чувства можно находить по мнению автора и в допленных книгах В. 3. (напр. Числ. XII, 3; Пс. XVII, 21–25; 2Цар. XXII, 21–25). Признаки позднейшего происхождения изложенных в книге Товита воззрений на добрых и злых духов автор отрицает, как мы уже видели, находя их вполне согласными с учением канонических книг. На возражение, что книга Товита была бы включена в канон палестинский, если бы была написана до плена вавилонского, автор отвечает тем, что предполагает причину невнесения её в канон или в внепалестинском происхождении книги, или в арамейском языке её. Но автор почему — то не придает важности тому, что в канонических книгах есть отделы, написанные на арамейском языке и не исключенные из канона и что книга пр. Даниила написана вне Палестины.

Одним из доводов в пользу после пленного происхождения книги Товита служит то, что автор повидимому знает о храме Зоровавеля и о возвращении иудеев из плена. В XIV, 4 – 5 составитель книги от лица Товита говорит: „Иерусалим будет пустынею, и дом Божий в нём будет сожжен и до времени останется пуст. Но опять Бог помилует их и возвратит их в землю; и воздвигнут дом Божий, не такой, как прежний, доколе не исполнятся времена века. И после того возвратятся из плена и построят Иерусалим великолепно (ἐντίμως), и дом Божий восстановлен в нем на все роды века — здание величественное (ἐνδόξως), как говорили о нем пророки “. Так как Товит не был пророком, и книга его имени не богодухновенная, то пророчество Товита всего естественнее понимать, как vaticinium ex eventu, т. е. как описание совершившегося факта. Иначе смотрит на дело проф. Дроздов. Он не только не видит в приведенных словах указания на после пленное происхождение книги Товита, но на них главным образом основывает свое мнение о написании её до плена. Указание на вечность второго храма, как и пророчество о восстановлении Иерусалима на вечные времена из сапфира, смарагда и дорогих камней (XIII, 16–18), говорит, по его мнению, за то, что Иерусалим и храм разумеются здесь не вещественные, а духовные, обозначая собою, вечное мессианское царство. А выражения: „построят

Иерусалим великолепно» и „дом Божий — здание величественное“, показывают, что составитель книги Товита не знал того храма Зоровавеля, глядя на который современники плакали от огорчения. Нельзя сказать, чтобы приведенное место говорило много в пользу мнения проф. Дроздова. Даже если мы признаем, что автор книги предсказывает о вечном мессианском, царстве, все же мы не освобождаемся от необходимости под восстановлением Иерусалима и построением храма разуметь известные исторические факты, каковые всегда и служат точкою отправления для мессианских пророчеств. Следовательно, составитель книги Товита знал о возвращении иудеев и восстановлении Иерусалима и храма. Мы не говорим уже о том, что надежда на вечное существование Иерусалима и храма ничего более не означает, как то, что автор не дождался вторичного разрушения их. Греческие слова: ἐντίμως и ἐνδόξως, прилагаемые к восстановленному Иерусалиму и храму не говорят собственно о богатстве их, а указывают на то уважение, которым будут пользоваться они. Любопытно, что в синайском тексте, обыкновенно предпочитаемом нашим автором слова ἐνδόξως в приложении к храму нет; в нём просто говорится о построении храма. Другое основание в пользу допленного происхождения книги Товита автор находит в неупоминании её о смерти Сарры. Если бы составитель этой книги знал о смерти Сарры, он упомянул бы о том, как он это делает по отношению к другим действующим лицам своей истории. Значит он писал книгу еще при жизни Сарры. Насколько слабо это основание, ясно, само собой. Итак, следует признать, что доводы автора в пользу допленного написания книги слабее доводов его противников.

Общее наше впечатление от книги проф. Дроздова таково. Она вызывает законное сомнение в научности своих результатов в самых существенных своих положениях. Мы сильно сомневаемся, чтобы главные его выводы были приняты даже нашими русскими учеными, которые пожелали бы самостоятельно вникнуть в исследуемый предмет; а о западных ученых и говорить нечего. Причина этого в недостатке научного критицизма у автора и в преувеличенной привязанности его к древним традициям, не имеющим ни научного значения, ни догматической важности. Но став на шаткую почву непроверенных преданий, автор привнес в свой труд богатейший материал. В этом отношении едва ли можно сделать более того, что сделал автор. Богатейшая эрудиция автора и необычайная тщательность его работы — главные достоинства его труда — делают его исследование единственным в своем роде и способны вызвать зависть даже католических ученых, этих

НЕВОЛЬНЫХ ЗАЩИТНИКОВ ВЗГЛЯДОВ НАШАГО АВТОРА.

Примечания

¹ - Но в надписи Саргона прямо сказано, что он переселил 27,000 жителей Самарии. Это не противоричит и 1Цар. XVII, 11. Каким же образом мог быть переселен им Товит.

Содержание

Мышцын В. Н. О происхождении книги Товита	1
профессор Василий Никанорович Мышцын	
Примечания	13